

И.И. Муллонен

ЛЮДИКИ НА ТОПОНИМИЧЕСКОЙ КАРТЕ КАРЕЛИИ*

Карелы-людики — одно из подразделений карельского этноса, проживающие в Прионежье, в восточной части Онежско-Ладожского перешейка. Территория тянется примерно на 200 км с севера на юг, от реки Суны до реки Свири, в меридиальном же направлении протяженность людиковского ареала не превышает 50 км. К числу наиболее известных центров людиковской территории принадлежат города Петрозаводск и Кондопога, которые сейчас оба являются русскими, но непосредственно граничат с людиковскими поселениями. Еще в довоенное время людиковские деревни начинались сразу за границами этих городов. Людиковская территория граничит на западе с ливвиковской, где говорят на олонецком или ливвиковском диалекте карельского языка, на севере с собственно карельской, на востоке с русской, начало формирования которой относится к первым векам второго тысячелетия н.э. и связано с новгородским освоением. На юге граница проходит по русской Свири.

Считается, что этноним **lyydi* (людик. *lyydikoi*, вепс. *lydilain'e*) имеет русские истоки и восходит к др.-рус. *люди*, *людин* 'свободный человек'¹. При этом такие же истоки имеет и название другой группы карелов — ливвики (карел.-олон. *livvi*, *livviköi*), населяющей западную часть Онежско-Ладожского водораздела. В результате действия собственных олонецкому диалекту карельского языка фонетических особенностей основа *lyydi* перешла в *livvi*². Кроме этого, людьми называют себя и часть вепсского населения — т.н. северные (прионежские) вепсы и часть представителей средневепсского диалекта. Территориально этноним людики тяготеет к Свири, располагаясь на ее северных и южных притоках. При этом в более отдаленных от Свири местностях, как на юг, так и на север, бытует этноним *vepsä* 'вепсы'. На юге он привязан к живому вепсскому населению. На севере же вепсами называют своих южных соседей людиков сегозерские карелы. Он закрепился также в целом ряде топонимов на людиковско-собственно-карельской границе (*Vepsäjärvi*, *Vepsänmoa*, *Vepsänpolvi*, *Vepsiguba* или

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 09-04-12119в (Создание географической информационно-аналитической системы «Электронный архив людиковской топонимии»).

Vepsilahti). Такая ареальная дистрибуция имеет, по-видимому, историческую подоплеку. Можно полагать, что этноним *lyydi* распространился по Свире вместе с новгородским освоением и называл местных вепсов, которые в то время (первые века второго тысячелетия) были основным населением как южного, так и северного Присвирья. Самоназвание *vepsy* сохранилось только в отдаленных от Свирского побережья местностях, как на севере, так и на юге³. Иначе говоря, русское освоение разделило единый ареал, в то время вепсский, на север и юг. В дальнейшем в ходе продвижения в северное Присвирье карельского освоения из Северо-Западного Приладожья происходила постепенная карелизация вепсского северного Присвирья, и этноним начинает со временем обозначать здесь карелизованных вепсов — ливвиков и людиков. В своем изначальном значении, т.е. в качестве названия вепсского населения, он продолжает функционировать у северных вепсов в Прионежье и на северной окраине средневепсского ареала, в южном Присвирье. Предложенная интерпретация этнонимической карты не противоречит языковым свидетельствам, согласно которым ливвиковский и особенно людиковский диалекты карельского языка содержат значительный вепсский субстрат. Будучи по самосознанию карелами, людики сохраняют значительный вепсский элемент на всех языковых уровнях — в фонетике, грамматике, лексике.

Топонимия подтверждает буферный вепско-карельский характер формирования людиковского ареала. В топонимии Карелии проявляется ареальное противостояние топооснов-синонимов *Palte* (< *palteg < *palttek) и *Rinne / Rindie* (< *rinäeh < *rinteh) 'склон, косяк', из которых первый известен как вепским, так и карельским говорам, второй — только карельским. В топонимии основа *Palte* может рассматриваться в качестве дифференцирующей вепсской модели, поскольку представлена на вепсской, а также смежной ливвиковско-людиковской территории, сформировавшейся в ходе карело-вепсского языкового контактирования. Модель бытует также в русском Обонежье, в том числе восточном, чаще всего в виде *Паптега*, подтверждая вепское прошлое этой территории. В собственно карельском ареале однозначно господствует основа *Rinne*. В виде *Rindu, Rindie* она фиксируется в ливвиковско-людиковском ареале, причем, в тех местах, где отмечены и некоторые другие собственно карельские черты в топонимии (рис. 1, 2). Эти же карты свидетельствуют о неоднородности людиковского ареала. Карельская топооснова представлена прежде всего у северных людиков и отсутствует у средних и южных, что свойственно и целому ряду других собственно карельских моделей. Многие из них достигли южных пределов людиковской территории.

Топонимия проясняет, как сложились границы людиковской территории и почему они прошли именно там, где прошли.

Как сформировалась западная граница, разделившая людиков и ливвиков? Известно, что при формировании этнических территорий и их границ принципиально важны были водные пути. Для освоения территории Карелии исключительно важную роль играл на протяжении столетий транзитный водно-волоковой путь, соединяющий Присвирье через Онежское озеро с Белым морем. По северному участку этой дороги в XX в. прошел Беломоро-Балтийский канал. Южный же участок совпадает с ливвиковско-людиковской границей. Видимо, уже в период активного карельского освоения Онежско-Ладожского перешейка продолжалось проникновение вепсов на эту территорию, причем, использовался названный уже путь. Среднее и верхнее течение Свири изобилует порогами, поэтому издревле был известен путь вдоль северного притока Свири реки Важинки через водораздел в Святозеро и далее на реку Шую. Именно его реконструирует ареал вепсской метафорической модели *Kukoinhar'j* 'Петушиный Гребень', которая использовалась для называния незначительных возвышенностей. Модель является, очевидно, довольно поздней, поскольку не охватывает весь вепсский ареал, да и привязана исключительно к недолговечным по времени существования микротопонимам. Карта показывает, что она четко коррелирует с упомянутой уже водной дорогой на север и одновременно людиковско-ливвиковской границей. Здесь отмечены урочище *Kukuoinhard'* в Мошничье на реке Важинке, поле *Kukuoinhard'a* в старинном людиковском селе Святозеро, урочище *Kukoiharja* на восточном берегу озера Сямозеро. Этот ряд замыкается на севере названием расположенной на болоте песчаной возвышенности *Петушиный Гребень* (с. Шайдома), которое, по всей видимости, является переводной калькой вепсского оригинала (Рис. 3). Очевидно, выход вепсов вдоль этого водного пути на север, в частности, на реку Шую, препятствовал в определенной степени поступательному движению карелов с запада на восток по Шую, и в результате к востоку от вепсского пути сформировалась людиковская территория, где вепсский компонент значительно более мощен, чем в западном олонецком или ливвиковском диалекте.

Северная граница людиковской территории проходит примерно по низовьям реки Суны. Почему она сформировалась именно здесь? Известно, что исходным фактором рождения культурных границ являются природно-климатические и ландшафтно-географические составляющие. Видимо, именно они сыграли решающее значение и в данном случае. Показательно, что диалектная граница повторяет очертания северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов, а также южной климатической зоны⁴. При этом важно, что природная граница оказывается и культурной, отделяющей территорию, наиболее благоприятную для ведения земледелия в северных условиях от районов, где

такое малоэффективно. Этот вывод поддерживается результатами картографирования топонимов, сложившихся на основе прибалтийско-финской лексемы *niini* 'липа' (*Niinisel'gy*, *Nin'sel'g*, *Нусельга* 'Липовая сельга', *Nisar* 'Липовый остров', *Niin'oja* 'Липовый ручей' и др.) и соответственно русской *липа* (*Липовец*, *Липняги*, *Липовая сельга*, *Липовый бор* и др.) В данном случае принципиальное значение для картографирования имеют не языковые истоки топоосновы, а ареал ее бытования в топонимии, отражающий реальные границы территории произрастания дерева. Липа, как известно, растет на более богатых почвах, и к местам ее произрастания приурочены сельскохозяйственные угодья. Липа представлена в южной Карелии до линии Вяртсиля—оз. Сямозеро—д. Шуньга. К востоку от Онежского озера она редка и произрастает здесь прежде всего в долине рек Водлы и Колоды⁵. Именно эта северная граница вырисовывается и по данным топонимии (рис. 4), подтверждая тем самым сельскохозяйственные приоритеты создателей топонимной модели.

То, что северная граница людиков совпадает с северной границей произрастания липы, должно, видимо, толковаться таким образом, что людики, точнее, тот вепсский этнический компонент, который входит в их состав, был представлен земледельческим населением, и именно эта особенность экономики определяла границы территории обитания. Известно, что продвинувшиеся из Северного Приладожья карелы колонизовали обширные севернотаежные территории и не были так прочно связаны с земледелием. Основу их экономической жизни составляла промысловая культура и обложение данью местных лопарей.

При формировании восточной границы решающую роль сыграло, очевидно, контактирование с соседними этносами. В прошлом людиковская территория простиралась дальше на восток. Многие из поселений западного берега Онежского озера, известные ныне как русские, еще сто лет назад были людиковскими. Такова входящая ныне в состав Петрозаводска бывшая дер. Сулажгора, которая в списках населенных мест 1873 г. названа карельской деревней. Во время Второй мировой войны образцы людиковской речи записаны в дер. Логморучей, которая сейчас тоже является частью Петрозаводска. При этом местные жители рассказывали Аймо Турунену, что большинство окрестных деревень были в нач. XX в. людиковскими⁶. В конце прошлого века в одной из этих деревень под названием Суйсарь мои информанты 60–70-лет вспоминали, что их родители, особенно матери, еще говорили по-карельски. При этом сами мои собеседники считали себя русскими, добавляя нередко, что являются потомками новгородцев. Традиционное население Суйсарь — наглядный пример того, как в течение двух поколений произошла смена этнического самосознания с карельского на русское. Примерно половина из 250 топонимов Суй-

сари имеет явные карельские истоки. Приведу из них только один, поскольку этимология его не попала в свое время в книгу о Суйсари⁷. Это название большого камня Тобот, расположенного за домами деревни. Деревенская молодежь собиралась к камню встречать лето. Жгли костер, через который прыгали и на котором варили кашу, съедаемую вместе с пирогами, приносимыми из дому. Название камня карельское, в его основе людиковское прилагательное *tobd* < *tobj* (каґ. *tobie*) 'большой', т.е. *Тобот* — большой камень. Кстати, эта топооснова должна быть признана сугубо людиковской. Дело в том, что хотя само прилагательное известно в той или иной мере всем карельским диалектам, именно на северно-людиковской территории оно воплотилось в топонимии (рис. 5). При этом ареал топоосновы выходит за восточные пределы современного людиковского ареала, где может рассматриваться как маркер былого людиковского присутствия. В топонимии острова Кижы в южном Заонежье отмечен *Тобий ручей* (< *tobj* 'большой'), в совокупности с рядом других людиковских признаков в топонимии свидетельствующий о безусловных людиковских связях данной местности и в целом западной части Заонежского полуострова. Впрочем, людиковская составляющая практически не выходит за пределы западных заливов-губ Заонежского полуострова — Лижемской, Уницкой и Великой. Восточное Заонежье формировалось в притяжении Заонежского залива, омывающего полуостров с востока и приносившего на протяжении столетий сюда вепское, а затем и русское население.

Южной границей людиковской территории была река Свирь, служившая основной дорогой для русского освоения Карелии. Людиковские поселения еще в недавнем прошлом существовали на северных притоках Свири — реках Усланке и Важине⁸. Надо полагать, что карелы продвигались по названным рекам от верховий к низовьям, через водоразделы, разделяющие их с бассейном реки Шуи и притоками Ладожского озера, по которым на протяжении столетий распространялось карельское освоение Онежско-Ладожского перешейка. Здесь они вступали в контакт с местными вепсами, что приводило к формированию особой группы карельского этноса — людиков. Интересно, что устойчивые карельские следы обнаруживаются и к востоку от Важины, например, на реке Ивине и даже на юго-западном побережье Онежского озера, в зоне расселения северных вепсов. К примеру, в составе с. Ладва на верхней Ивине есть деревня с названием *Иломанча*, которое, видимо, могло быть принесено переселенцами карелами из северно-западного Приладожья, где существовало село Иломанси и соответствующий погост. Однако здесь карельский элемент в составе населения не был столь силен, чтобы сформировать людиковскую языковую среду. К тому же, в низовьях Ивины рано возник т.н. Остречинский погост, бывший

проводником русского языкового и культурного влияния вдоль по Ивинке на север, так что карело-вепсское контактирование было на Ивине опосредовано русским этноязыковым компонентом.

Топонимическое картографирование свидетельствует, таким образом, о том, что людиковская территория сформировалась в карело-вепсском пограничье, причем ее распространению на юг и восток препятствовало русское освоение территории по Свири и Онежскому озеру.

Топонимическое ареализирование демонстрирует, как уже упоминалось, неоднородность людиковской территории. Действительно, довольно затруднительно выделить некие дистрибутивные людиковские топонимные модели, которые, с одной стороны, покрывали бы всю людиковскую территорию, с другой, не выходили бы за ее пределы в иноэтничные ареалы. Так, четко вычлняется северная часть, которая на основе ряда топонимных моделей объединяется в единое целое с собственно карельским ареалом (см. *Jylmäkkö*, *Kuäö* и др. топоосновы). С другой стороны, в ареале расселения средних людиков присутствуют модели, объединяющие эту часть людиковской территории со смежной ливвиковской (напр., ойконимия — I-ового типа), точно так же, как в южнолюдиковском ареале обнаруживаются безусловные вепсские вторжения. По-видимому, это свидетельство определенной недооформленности людиковского этноязыкового ареала в единое целое и некоторой аморфности самого понятия «людиковскость».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki 1992–2000.

² *Grünthal R.* Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonyyit. Castrenianumin toimitteita 51. Helsinki, 1997. N. 75–78.

³ *Муллонен И.И.* Территория расселения и этнонимы вепсов в XIX–XX вв. // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 345–346.

⁴ Карелия. Энциклопедия. Том 1. А–Й. Петрозаводск, 2007.

⁵ *Кравченко А.В.* Конспект флоры Карелии. Петрозаводск, 2007. С. 135.

⁶ *Turunen A.* Lyydiläisten murresaarekkeet Karjalan tasavallan venäjänkielisellä alueella // Neuvostoliitto-instituutin vuosikirja 25. Kielen ja kulttuurin kentälätä. Helsinki, 1977.

⁷ Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997.

⁸ *Turunen A.* Lyydiläisten murresaarekkeet Karjalan tasavallan venäjänkielisellä alueella // Neuvostoliitto-instituutin vuosikirja 25. Kielen ja kulttuurin kentälätä. Helsinki, 1977.

I.I. Mullonen

LUDIKS IN THE TOPONYMIC MAP OF KARELIA

The process of Ludiks — a local group of Karelian population — formation is reconstructed in the article using toponymic material. It is proved that the territory of Ludiks was formed in the course of active Vepsian-Karelian contacting, and its borders are determined first of all by landscape and geographic factors (climate and connected with the landscape peculiarities routes of transit water-portage ways). A part of Ludiks population in the South and East of the area formed a part of Russian Trans-Onega (Zaonezh'e) and near Svir' (Prisvir'e) regions. The character of Ludiks' toponymic models (binding to micro-objects, absence of bright toponymic markers) points out chronologically late formation of the Ludiks group.

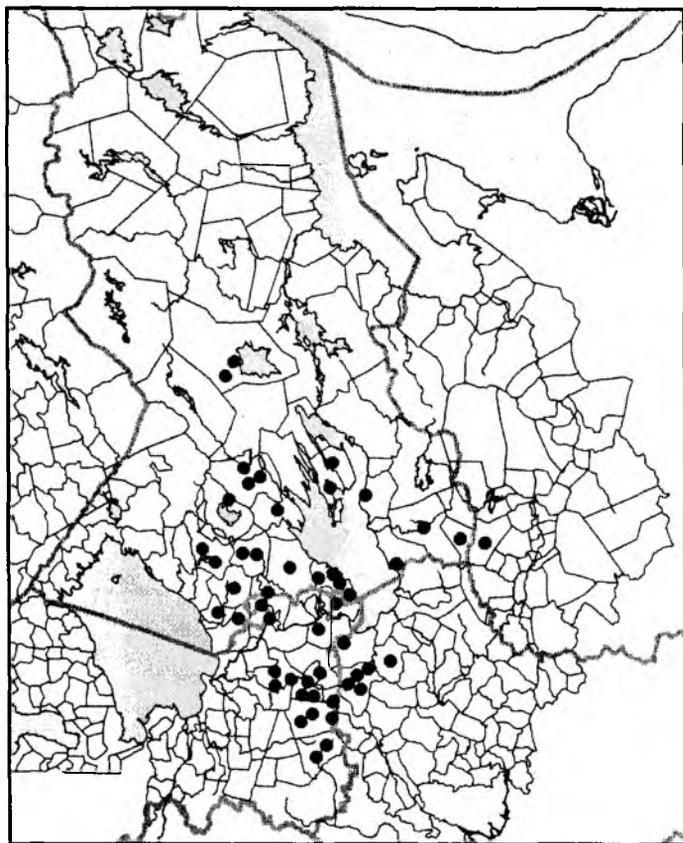

Рис. 1. Ареал топонимической Palte

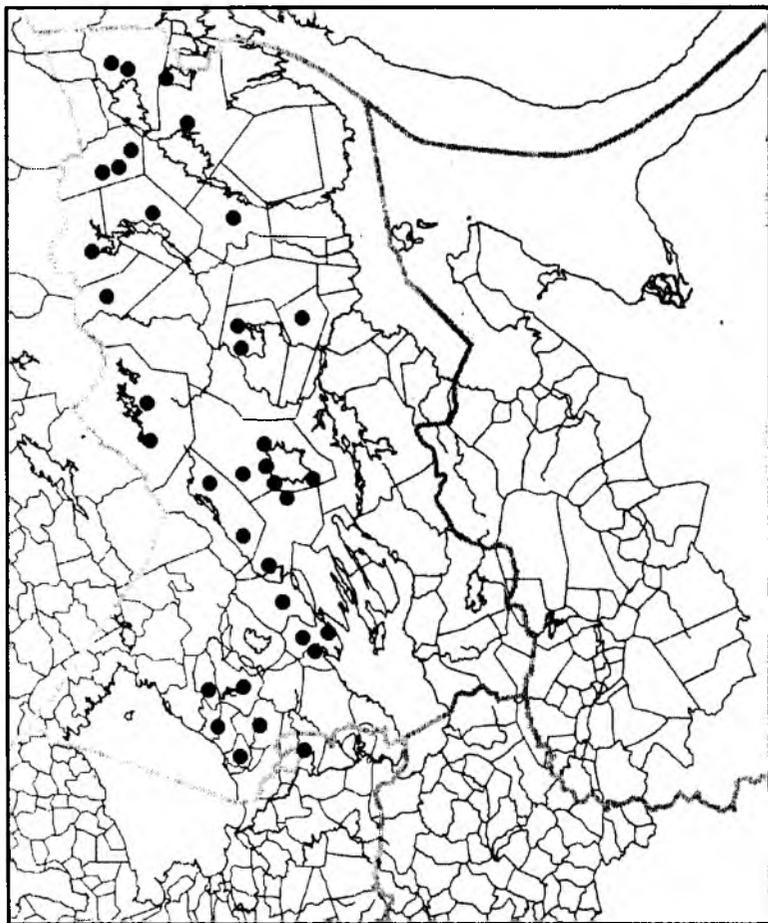

Рис. 2. Ареал топонимии Rinne /Rindie

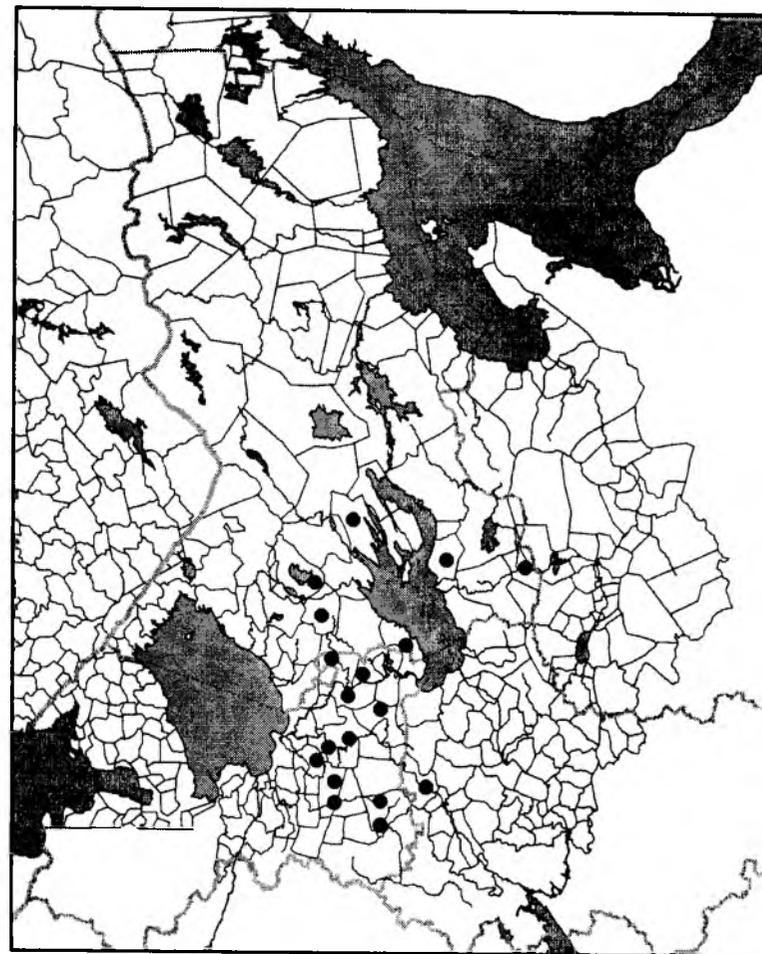

Рис. 3. Вепская топонимная модель Kukoinhaaj

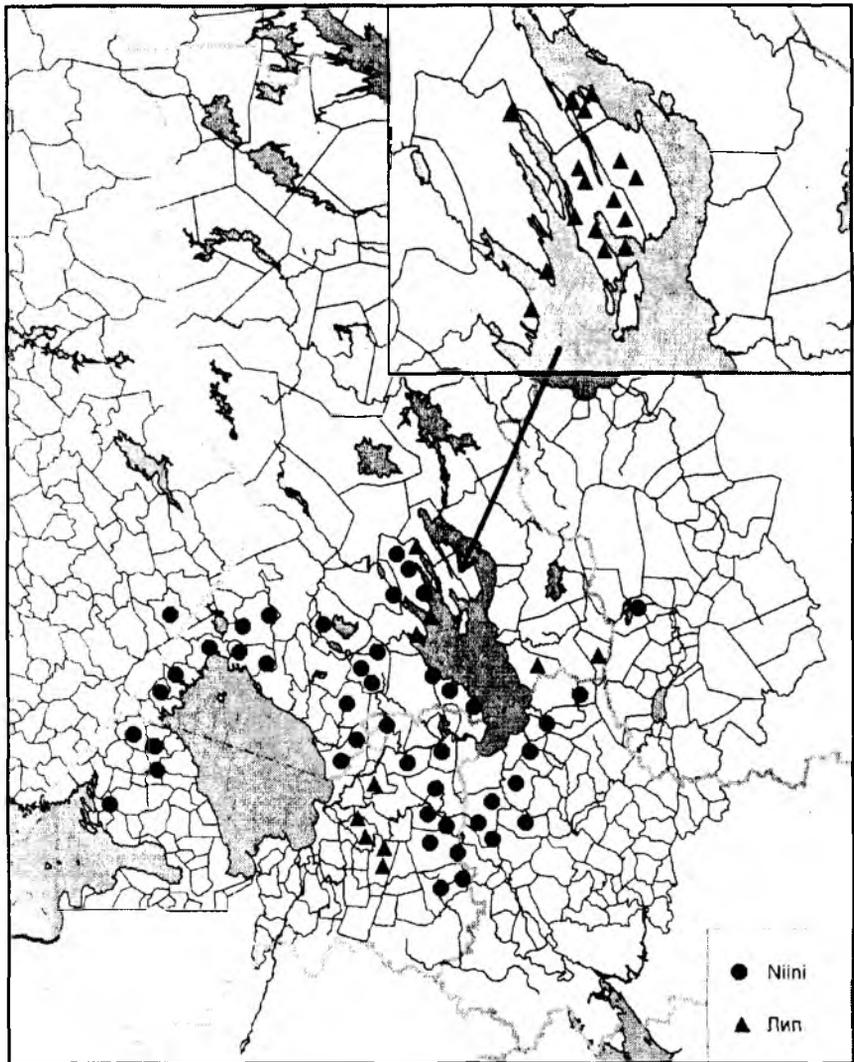

Рис. 4. Топооснова Niini- /Лип- в Карелии

Рис. 5. Ареал людиковской топонимии Тобд'-.